

ри неожиданных концерта Рудольфа БАРШАЯ стали пасхальным подарком музыкальной Москве. После 16 лет отсутствия известный альтист, дирижер и просветитель, создатель Московского камерного оркестра (первого в нашей стране), а ныне 68-летний маэстро, овеянный европейской славой, он предстал перед взволнованной аудиторией Большого зала консерватории в новом обличье дирижера симфонического. Звучали великие произведения: Девятая симфония Малера и "Торжественная месса" Бетховена. Баршай дирижировал оркестром телерадиокомпания "Останкино", Российским национальным симфоническим, хорами Академии хорового искусства. Солировали известные певцы из Германии, Австрии, Швейцарии. Впрочем, торжественно-приподнятый, грандиозный, транснациональный оттенок концертов не заслонил образ хорошо знакомого нам "камерного" Баршай - героя памятных музыкальных легенд 60-70-х годов...

Неделя. - 1993. - май (№ 18).

"ВСЮ НОЧЬ МНЕ СНИЛАСЬ ЭТА МУЗЫКА..."

- Как же так, Рудольф Борисович, вы чуть ли не последний из знаменитых музыкантов-эмигрантов посетили нас...

- Видите ли, разговоры о моем приезде шли очень давно. Но, к сожалению, план мой расписан наперед настолько плотно, что очень трудно было выгадать время. Наконец дело до конца довел Виктор Сергеевич Попов, руководитель Академии хорового искусства, мой старый друг. В свое время, когда он руководил хором мальчиков после кончины Свешникова, мы исполняли много разной старинной музыки - "Страсти по Иоанну", например, кантаты Баха, "Stabat mater", Прегледзи, произведения Вивальди и многое другое. Готовили мы с ним и современную музыку - вокальные симфонии Александра Локшина с участием большого хора. К сожалению, тогда нам не удалось это реализовать...

- Наши непризнанный, загубленный композитор! Помню, единственная симфония Локшина была исполнена только после его смерти.

- Для меня Локшин был и остается одним из самых наших великих композиторов. Он не был признан потому, что все время сочинял симфонии со словами, а слова для всех властных инстанций всегда были "не те". Помню, когда мы с Поповым подготовили симфонию Локшина на стихи Киплинга, нам заявили, что этот писатель - идеолог империализма, и за три дня до репетиций запретили готовить премьеру. Когда же мы выучили другую симфонию Локшина - шестую - на стихи Блока, нам сказали: "Блок? Он, конечно, Блок. Но не те стихи Блока вы выбрали". И нам с Виктором Сергеевичем досталось за то, что заставляем хор студентов Гнесинского института петь такой малооптимистический текст!

- Какой же был подвиг, когда в 1969 году Московский камерный оркестр Рудольфа Баршай с вокалистами добился исполнения Четырнадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича - одиннадцати песен о смерти... Ведь к 100-летию Ленина от Шостаковича ждали совсем другую симфонию.

- Да, знаете, очень долго мы с Шостаковичем не могли эту премьеру "пробить". Дмитрий Дмитриевич очень нервничал, очень страдал. Особенно после того, как на одном из первых публичных прослушиваний симфонии неожиданно скончался его друг Апостолов. На него этот случай произвел страшное впечатление. Он торопился: скорей, скорей надо исполнить. Постоянно говорил: "Боюсь, не доживу". Я знал все эти настроения, мы часто общались, когда он сочинял. Дмитрий Дмитриевич советовался со мной о составе оркестра и все звал к себе, чтобы проиграть отдельные куски. И все посылали мне телеграммы...

- То есть как? Где же вы жили?

- Жил в квартире без телефона. Филармония писала куда-то ходатайственные письма. Но пришел ответ: мол, заседали и постановили, что телефон товарищу Баршаю не нужен. Поэтому Дмитрий Дмитриевич телеграфировал буквально каждый день: "Дорогой Рудольф Борисович, позвоните, если можно", "Дорогой Рудольф Борисович, позвоните немедленно", "Позвоните, когда сможете" и т. д. Я, конечно, бежал скорей на улицу к автомату. И "Дэдз" тут же выстреливал: "Вы сейчас где? Можете приехать немедленно?"

- Узнаю "почерк" Дмитрия Дмитриевича...

- Он очень торопился. Партию сопрано в симфонии должна была учить Вишневецкая, но все почему-то откладывалась. Тогда он мне сказал: "Пойдемте в театр Немировича-Данченко - там мою оперу поет Мирошникова. Если вам понравится, мы ее возьмем". Я пытался говорить о предпочтительности Вишневецкой. Он в ответ: "Не понимайте, боюсь не дожить...". Словом, фактически первой исполнительницей и стала Мирошникова, а затем уже Вишневецкая.

- С деятельностью вашего камерного оркестра, которым вы руководили 22 года, связана целая эпоха музыкального просветительства, когда впервые у нас были "озвучены" старинные партитуры Корелли, Вивальди, Марчелло, Манфредини, Генделя, Гайдна...

- Но самое важное, чем гордился наш

конец, поехал со мной. Так что Белоцерковский остался в моей памяти как человек очень большой души.

- Что стало последней каплей, вынудившей вас покинуть страну в 77-м?

- Пожалуй, истории с моими поездками (вернее, провалами поездок) в Лондон и в Люцерну. На большом Люцернском фестивале я должен был дирижировать оркестром, который собирают один раз в год из лучших музыкантов всей Швейцарии, 8-ю симфонию Бетховена. И несмотря на все согласования, афиши и проданные билеты поездки были сорваны в последний момент под лживыми предлогами ("Баршай болен!")

- Ваша творческая судьба на Западе, можно сказать, сложилась трагично. Вы дирижировали лучшими симфоническими оркестрами Англии, Франции, Германии, Италии, Японии. Канады... Был ли среди них оркестр, подобный вашему Московскому камерному?

- Такого камерного не было, но был очень хороший симфонический - Борнемутский, которым я руководил семь лет. В последнее время я дирижирую, главным образом, оркестрами Германии и Англии. Знаете ли, английские очень профессиональные, я бы даже сказал - они лучшие.

- Кого-нибудь из наших солистов приглашаете?

- Из пианистов-эмигрантов более всех ценю Марка Зельцера, с которым мы много играли: и Бетховена, и Прокофьева, и Стравинского, и Рахманинова, и Чайковского. Давно люблю замечательного скрипача Виктора Третьякова, с которым мне претягивались концерттировать ("Третьяков не желает играть с Баршаем" - сообщали мне из-за "железного занавеса"). Слава Богу, это позади. Похожая история была и с пианистом Дмитрием Алексеевым. Между прочим, я подозреваю, что он какой-то мой далекий родственник. Ведь дед мой по матери - Алексеев - был казачий офицер. И сам я родился на Кубани.

- Вот это сюрприз! И где же начинались ваши встречи с музыкой?

- Видите ли, детство мое было скитальческое: семья была "в бегах" (опасались ссылки) - то в Средней Азии, то в Баку, в Кировабаде и, наконец, в Калинин. Здесь я и услышал впервые "Лунную сонату". Потом всю ночь мне снилась эта музыка... А было мне уже 13 лет. Утром я сказал отцу: "Покупай пианино". Но у отца не было таких богатств. И тогда он пошел на базар и купил мне за 100 рублей скрипку, на которой было написано "Страдивариус". Таких скрипок было навалом на казининском базаре. А знаете, кто был моим первым учителем? Отец композитора Николая Сидельникова - скрипач Николай Михайлович Сидельников! Потом в Москве я учился у Цейтлина, у Борисовского. И все же главным своим учителем считаю Шостаковича - он оказал решающее влияние. Когда в 1944 году наш "юный" квартет имени Бородина (в первом его составе были Ростропович, Дубинский, Рабей и я) сыграл Дмитрию Дмитриевичу его Первый квартет, мы стали часто встречаться. В моем музыкальном мире произошел полный переворот.

- Сохранились ли у вас связи с другими московскими композиторами?

- К счастью, сохранились. Сегодня, например, я еду навещать больного Вайнберга. Очень тепло мы встретились в эти дни с Борисом Чайковским, моим большим другом. В ближайшее время буду играть его скрипичный концерт в Амстердаме.

- Где и как вы любите отдыхать?

- За последние 16 лет мы с женой отдыхали только один раз: ездили на неделю в Грецию. Знаете, я отдыхать не умею. Всегда беру с собой полчелюда нотной бумаги и партитуры. Я ведь много работаю над аранжировками, переложениями, которые сам себе "заказываю". Делаю сейчас, например, переложение фортепианных пьес Шуберта. Ранее переложил четыре квартета Шостаковича для камерного оркестра. Работаю над Десятой незавершенной симфонией Малера, чтобы создать свою "версию". Эта музыка - что-то сверхъестественное. Если бы Малер Десятую закончил, я думаю, это была бы лучшая симфония всех времен и народов.

- Планируете ли, Рудольф Борисович, приехать снова в Россию?

- С удовольствием. Возможно, осенью. А сейчас мне предстоит настоящая гастрольная свистопляска вплоть до августа. Приеду домой (мы живем в Швейцарии, под Базелем) на четыре дня. Потом - Флоренция, Кельн, Нюрнберг, две недели в Амстердаме. Оттуда лечу в Италию: там будет в июне Международный конкурс дирижеров имени Тосканини, где я - президент. Два дня мне только дают, чтобы я подготовил оркестр для конкурса. И знаете, что будет обязательным произведением в конкурсной программе?

- Неужто что-нибудь отечественное?

- Вы угадали. Четвертая симфония Александра Локшина. Единственная его симфония без слов...

Беседу вела

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

оркестр, - мы были первыми исполнителями двух "Concerto" запрещенного ранее Стравинского.

- Разумеется, это был прорыв! Но как вам вообще удалось организовать такой оркестр? Кто-нибудь поддерживал эту идею?

- В первый год - а это был 55-й - никто не поддерживал. Напротив. Все отговаривали: "Вы что, с ума сошли? Мы не можем квартетное дело в стране поставить на нужную высоту, а вы такое сложное затеваете". Директор филармонии говорил мне, похлопывая по плечу: "Вот ты работаешь солистом и продолжаешь себе, а глупости всякие из головы выросте. Не будешь музыканты у тебя бесплатно играть". Впрочем, когда дело пошло, и появилась публика на наших концертах, он "перестроился" и...

- Начал с вами носить? Я знаю, о ком вы говорите, - о Митрофане Белоцерковском, колоритнейшей фигуре в истории Московской филармонии. Он ведь был по-своему энтузиаст.

- Еще какой! Однажды он меня просто спас, хотя мы были с ним тогда в ссоре. Дело в том, что мне чинили всяческие препятствия в поездках за границу. Моим сложностям и разногласиям с теми, кто решал эти вопросы, не видно было конца. Из-за меня не пускали за границу и камерный оркестр. И тогда в музыкальных кругах родилась "счастливая" идея: послать оркестр в зарубежные гастроли без... меня! Однажды прихожу в филармонию и вижу: выбегает из кабинета Белоцерковский в своей знаменитой шабве (истинно гоголевский персонаж!) и, надев на ходу шапку, рявкает мне: "Обожди!" - и уберает. Оказывается - прямо к Фуриевой. Вбегает к ней и, как мне рассказывали, без всякого вступления выпаливает: "Оркестр без Баршай? За границу? Только через мой труп!" И, представьте, отстоял меня. Оркестр, на-